

К Р О К О Д И Л

МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА

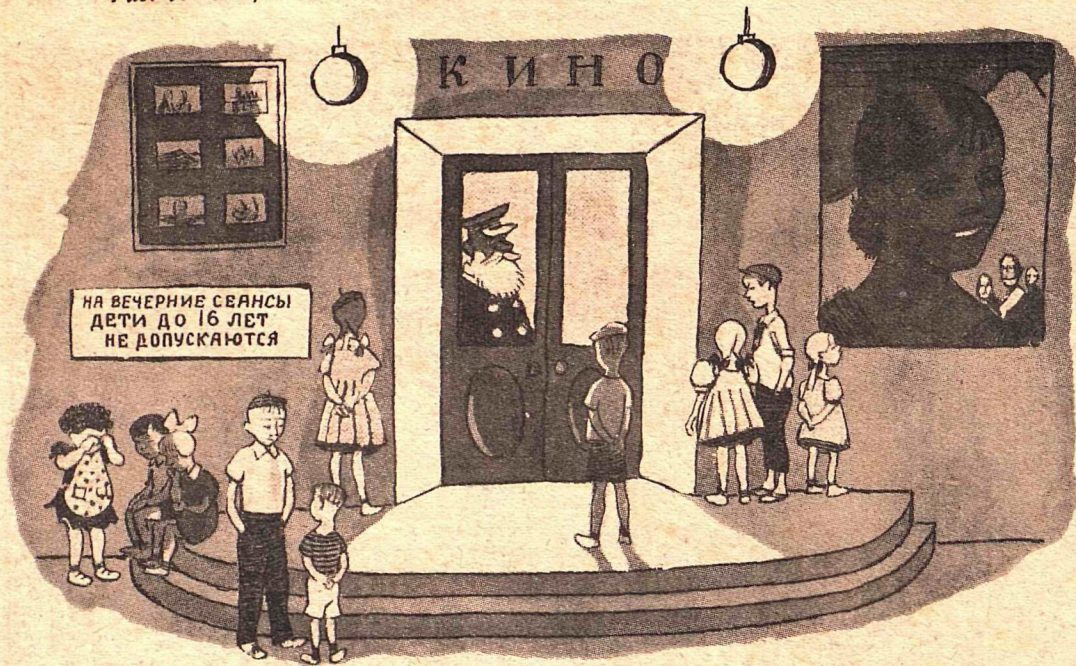
Рис. Л. Бродаты

- Чем же эти двое военных так знамениты?
- Летчик — тем, что сделал три замечательных перелета
- А артиллерист?
- Тем, что у него не бывает перелетов.

К 556 / 41

ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Рис. Ю. Ганфа

Правильно!

Неправильно!!!

Парень из...

ВАЛЯ считал себя героем. Собственно говоря, для этого не было у него никаких серьезных оснований. Перелистывая скромные страницы жизни Валентина Криничко, не отыщешь там ни одной выдающейся строчки.

Правда, есть люди, которые именуют себя изобретателями, хотя никогда ничего путного не изобрели. Попадают и писатели, которые в жизни ничего не написали.

Но все же я не хотел бы поставить Валу в один ряд с самозванцами. У Вали есть одно смягчающее вину обстоятельство: ему всего шестнадцать лет!

Мы все в свое время пережили это «смягчающее обстоятельство». Каждому из нас было когда-то (когда?) шестнадцать лет. Мы гуляли в сказочных рощах, под пленительной сенью фантазий и мечтаний.

И вот шестнадцатилетний Валя считает себя то академиком, то героем, то мореплавателем, то...

Нет, плотником он себя не считает. Плот-

ник—это очень трудная профессия. Надо научиться владеть инструментом—канительное дело.

Поскорей бы лишь окончить школу, распрощаться со всеми этими набившими оскомину алгебрами, химиями, «посами».

А дальше—«раскинулось море широко...» Но о том, что «волны бушуют вдаль», юноша не имел ни малейшего представления. Жизнь казалась тихим зеркальным прудом, где цветут спокойные белые лилии, а вода теплая, как в ванне, приготовленной заботливой маминной рукой...

Наднях приехал дядя Дима. Дядя Дима служит военным врачом где-то в Средней Азии. Валу он не видел года три.

— Ну, Валя,—сказал дядя,—поговорим о жизни. Рассказывай, как растешь и куда растешь. Специальность какую себе запланировал?

— Очень трудно, дядя, что-нибудь наметить. И то влечет, и это тянет.

— Да, надо сознаться, у нашей молодежи

большие трудности: дверей много, а в какую войти?

— Вот думаю стать геологом. Очень увлекательно. В таинственных горных ущельях, в местах, где не ступала нога человеческая, открываешь залежи золота и изумрудов...

— А затем—торжественный ужин, пламенные тосты, музыка и танцы?! Из какого фильма?

— «Парень из тайги».

— Ага!.. Ну, а москиты тебя не пугают? Очень больно, дьяволы, кусаются. До безобразия прямо.

— Но я еще окончательно не решил... Хорошо бы также стать моряком: море, ширь, даль, чайки... Стоишь на капитанском мостике и вдруг видишь новый, еще никем не открытый остров...

— А затем—торжественный ужин, пламенные тосты, музыка и танцы?! Как называется фильм?

— «Парень из каюты».

— Ага!.. Но, знаешь, штормы на море бывают ужасные. Все внутренности выворачивают. Да и необитаемых островов что-то не осталось—расхватали.

— Думаю также, что неплохо бы стать полярником. Бескрайняя ледяная пустыня... С айсберга на айсберг скачет белый медведь. Крупом белые пятна, которые я стираю железной рукой...

— А затем—торжественный ужин, пламенные тосты, музыка и танцы?! Это что за фильм?

— «Парень из-под льдины».

— Хорошо. Только на зимовках, знаешь, очень холодно. Ужас какие морозы! Плохо оттапливается Арктика. Ну, чем бы еще тебе хотелось быть?

— Конечно, летчиком. Летишь выше облаков, выше звезд...

— Понятно. Не продолжай, племянник. А затем—торжественный ужин, пламенные...

— Понятно. Не продолжайте, дядя... Пламенные тосты, музыка и танцы.

— Какой фильм?

— «Парень из кабины».

— Вот-вот! Тебе самому смешно. Значит, ты еще исправим. В этом отношении я возлагаю на тебя больше надежды, чем на всех этих сочинителей, которые так небрежно лепят своих залихватских «парней». Так вот слушай, парень из... школы. Все это прекрасно и замечательно—и геология, и мореплавание, и Арктика, и покорение воздушных пространств. Но все это делается не так легко, как в кинотеатре «Коллизей» или «Форум». Вот к чему себя приготовь. Совершать подвиги—это приятное, но не легкое занятие. Плохой фильм сделать—это легко, никаких затруднений. Вот почему «парни из кино» порою так дурно влияют на таких хороших парней, как ты. Понял?..

Меня вызвали к телефону в соседнюю комнату. Я не слышал, что ответил Валя. Но уверен, что он понял. А если Валя не понял, то все же слова дяди Димы достигнут сердец Пети, Васи, Коли, Степы и других сверстников Валентина Криничко.

Г. РЫКЛИН

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

(История в трех телеграммах)

Телеграмма от 30 марта:

«Москва Наркомлес Союза Салтыкову
Трест Коминпермлес 30 марта закончил
план первого квартала тчк Пршу по-
здравить тчк

Гутцайт».

* * *

Из телеграфной сводки от 31 марта:

«...За первый квартал мы не вывезли
клепочного кража ни одного кубометра
зпт план вывозке шальника выполнен
только на 25 процентов зпт недоделано
нами 11 тысяч фестметров длиномера и
34 тысячи фестметров баласа тчк План
по вывозке к сплаву не выполнен...»

Гутцайт».

Телеграмма от сего числа:

«Коминпермлес Гутцайту тчк
С чем и поздравляем тчк

КРОКОДИЛ».

БУДЬТЕ ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫ

— Пошел я однажды в магазин, чтобы купить шляпу. Захожу в отделение головных уборов. Шляп много. Выбираю. Одну смотрю, другую смотрю. Не решаюсь купить. А продавцы стоят, ничего не говорят, ничего не советуют. Решил не покупать и ушел.

(Из выступления наркома легкой промышленности тов. Лукина на совещании в МКК ВКП(б).)

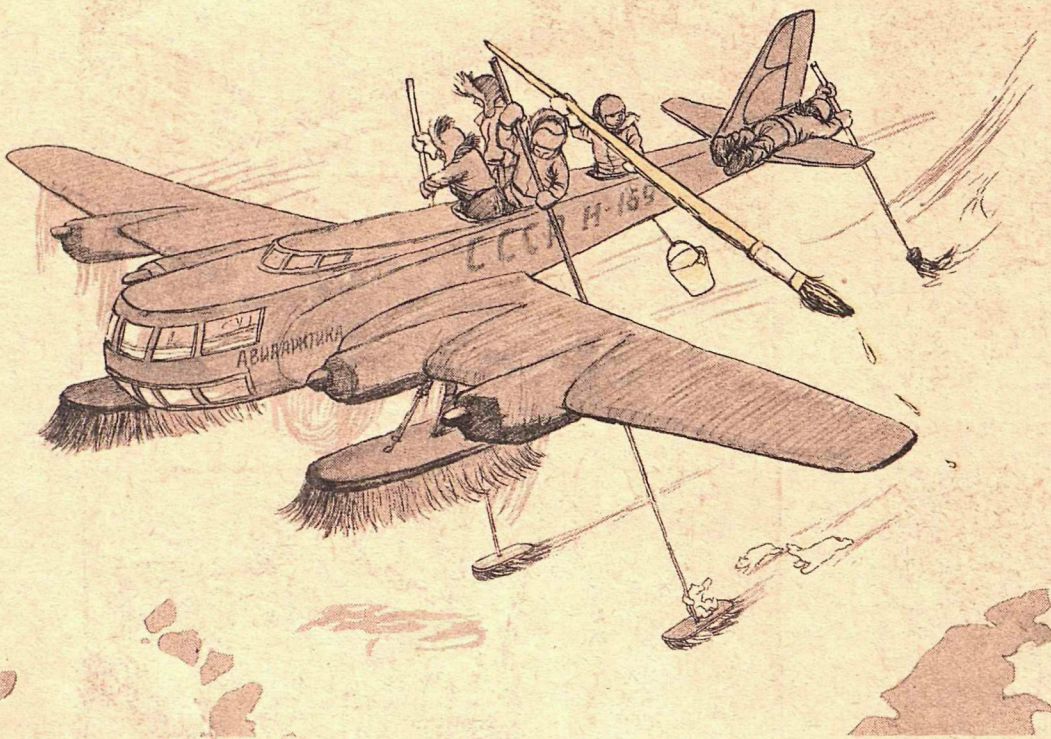
Рис. Бор. Ефимова

ПОКУПАТЕЛЬ (нарком легкой промышленности Лукин):—
Какое у вас неважное обслуживание — ничего не предлагаете.
ПРОДАВЕЦ (нарком торговли Любимов):— У вас такая неважная продукция, что порою и предлагать неловко.

Бор. Ефимов-41

Рис. И. Семенова

Чистка земного шара от белых пятен (исполнение срочное и аккуратное).

Вторые похороны

В МОСКВЕ, на Арбатской площади, стоит памятник Гоголю. Памятник неудачный. Автор памятника, скульптор Андреев, в конце концов, отобразил всего лишь частный случай из жизни классика: его болезнь.

Теоретически можно, конечно, и в жизни найти, скажем, жениха, желающего подарить своей невесте фотографию, заснятую непременно во время бывшего у него крупозного воспаления легких. Но если невеста не дура, — свадьба расстроится.

Сейчас московский памятник Гоголю существует уже не столько в качестве выражения признательности потомков, сколько в качестве бронзового укора и напоминания Комитету по делам искусств о его многолетних бесплодных обещаниях сменить скульптуру на более достойную великого сатирика.

Обида за искаженный образ — обида долгая. И художники, скульпторы, артисты, посягающие на изображение того или иного великого человека, с этой обидой должны считаться.

Про Паоло Трубецкого рассказывают, что, вызвав восторг всей Флоренции своей работой над памятником Данте, сумев передать в нем всю внутреннюю сущность и душу поэта, сам он на вопрос: «Сколько времени вы изучали творения Данте?» — ответил: «А я его, Данте, не читал вовсе!»

Тут, конечно, одно из двух: или Трубецкой врет или он гений.

Лицам художественного труда, занимающимся подобным творчеством, но не гениям лучше всего предварительно ознакомиться с литературным наследием изображаемого объекта. Это утомительно, но, несомненно, полезно.

Существует твердое убеждение, что выставка проектов памятника Маяковскому в этом случае имела бы значительно больший успех. Авторы представленных работ явно подражали Паоло Трубецкому: произведений изображаемого поэта не читали.

Неутешительные сводки поступают и с фронта предстоящего юбилея Михаила Юрьевича Лермонтова. В атаку первыми ки-

нулись концертные и эстрадные исполнители, готовящиеся «прореветь» со всех театральных и клубных площадок произведения великого поэта.

Но здесь большой беды быть не может. Произведения поэта — оружие благородное и даже в неопытных и неверных руках неправомогущего ущерба памяти Лермонтова нанести не сумеет.

Зато далее следует «литмонтаж». Это страшнее. Разрушительное действие его на юбиларов неоднократно проверено.

Составленный из отрывков произведений поэта, выписок из его метрического свидетельства, сведений из литературного словаря, «литмонтаж» действует как тяжеловесная фугасная бомба.

Одинаково легко (по подлинным цитатам и документам) он может обрисовать Лермонтова и заливчатым забиякой-поручиком или, произведя всего две-три перестановки цитат, превратить Михаила Юрьевича в мрачного и нудного субъекта.

Кавалерин невежд, бросившейся сейчас на составление этого вида «литературного» труда, особенно по душе превратить Лермонтова в разочарованного самоубийцу.

Нам довелось недавно в Ленинграде послушать образец подобного творчества. Разрушительное действие «литмонтажа» на этот раз было усилено еще тем, что читаемые замогильным голосом специально подобранные похоронные строчки из произведений поэта были дополнены таким заунывным пением некоторых его стихотворений, что сама певичка, посылно помогавшая теще вторично хоронить Лермонтова, плакала навзрыд, как ребенок.

И Лермонтов, Михаил Юрьевич Лермонтов, гордый патриот и воин, бесстрашно бросивший когда-то в лицо палачам свое знаменитое:

«А вы, надменные потомки,
Известной подлостью прославленных
отцов...» —

Лермонтов, нежный лирик и творец дерзостных стихов, Лермонтов предстал перед нами в образе какого-то слюнвявого растяпы, непрерывно ищущего смерти и погибающего уже не от руки преднамеренного убийцы, а от некоего такого, знаете ли, «неотвратимого рока».

Знакомое чувство обиды за исковерканный образ поэта заползло в сердце.

К сожалению, это не частный случай. Лермонтовских концертов намечено тысячи! Поступающие сводки с этого фронта, повторяем, неутешительны.

В Москве крупный актер, готовясь «громыхнуть» лермонтовским «литмонтажем», начал сразу с поисков нот «Реквиема» Моцарта и шопеновского похоронного марша.

Товарищи, не надо! Михаил Юрьевич умер и уже похоронен. Повторять эту операцию, даже в художественной форме, не стоит.

Ник. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

СВЕРХ ПРОГРАММЫ

Зрители, попавшие на «Периколу» в театр имени Вл. И. Немировича-Данченко, имеют возможность не только посмотреть спектакль, но и познакомиться с редчайшим образцом художественной литературы. Для этого им нужно раскошелиться всего на двугривенный и купить программу спектакля. Как вдохновенно и красочно изложено в ней содержание оперетты... то бишь... мелодрамы-буфф Оффенбаха! Какая сочность и точность языка, какое богатство мысли!

«Страной правит... вице-король Дон Андреас де Рибейра, человек крупного деспотического темперамента (!), яркий характер жизнеглотателя» (!?)

Как же правит страной этот «яркий жизнеглотатель»? Он, оказывается, издевается над всеми местными обычаями перуанцев, которых испанская опричина (!) когда нужно сплавляет... «Однако (?) у Мериме есть пьеса «Карета святых даров»; там эта самая Камилла Перикола все-таки уже стала фавориткой Дона Андреаса де Рибейра и вертит им как хочет».

Не знаем, как обстоит дело с Периколой, но то, что какой-то безграмотный Дон-халтурщик стал фаворитом у какого-то Дон-администратора театра, — это факт.

В общем и целом, как сказал бы темпераментный докладчик, опыт «Периколы» учит. Даже обыкновенная театральная программа может доставить зрителю самое неожиданное «удовольствие» — сверх программы.

Рис. Л. Бродаты

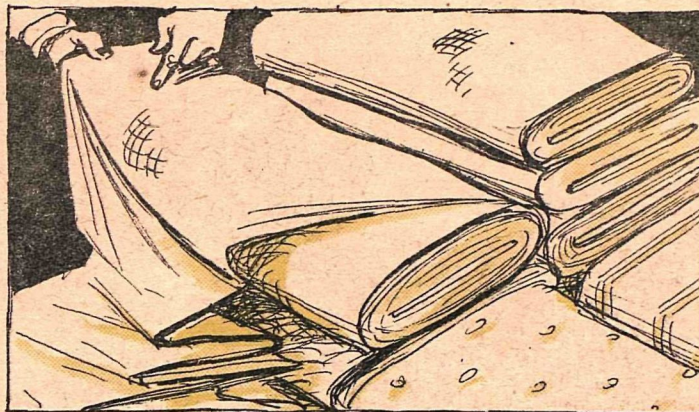

— Что слышно нового в Нарком-речфлоте?

— Большие речи о малых речках.

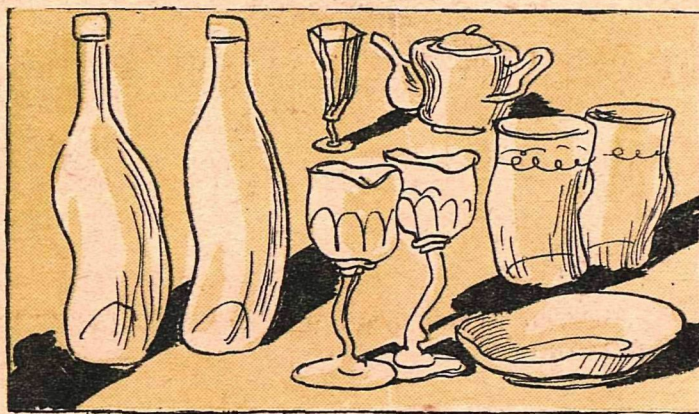
— Ну-с, картина ясна... У вас установлено:

повреждение тканей,

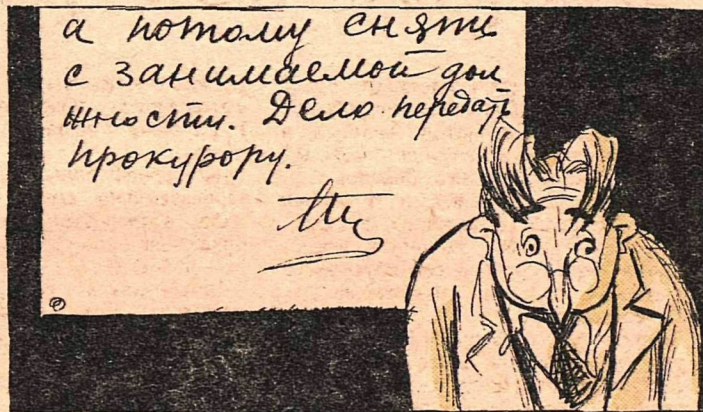
ряд кожных болезней,

негодные сосуды

и очень плохой обмен веществ.

— Теперь мы вам пропишем... полный покой.

Что за рецензия, создатель?!

М. Потеряхин делится с читателями газеты «Большевистский путь» (Новосибирск) впечатлениями о спектакле «Ольга Ивановна».

Об игре артистки М. Потеряхин пишет:

«Львова М. И. своим прекрасным исполнением довольно трудной роли из многих каргатских зрителей (особенно женского пола), как говорят «выжала слезу». Кто же покрепче на слезы (большинство мужчин) — сильно переживали отдельные моменты...»

Драматургу М. Потеряхин уделяет следующие строки:

«Нельзя не отметить хорошее мастерство автора драмы Я. Ядуер, который удачно провел образ покойной горячо любимой матери на протяжении всей постановки и показал мать-мачеху, абсолютно не похожую на мать-мачеху царского времени, о которой дети имели представление из рассказов и сказок прошлого».

Очевидно, редакция «Большевистского пути» (большинство мужчин) очень крепка на слезы: из нее ничего не выжмешь такой рецензией.

Но зачем же заставлять читателей газеты «переживать отдельные моменты немного неудачно подобранного» рецензента М. Потеряхина?!

Но уступает в выжимании слез и М. Грин, рецензент газеты «Грозненский рабочий»:

«Певучий этот дуэт (речь о Несчастливцеве и Счастливецеве в комедии Островского «Лес») хотя поет и слаженно, но не совсем то, что написал для его исполнителей великий композитор драмы и комедии Островский».

«...То, что говорит Геннадий, должно быть согрето его горячим чувством, наполнено его жгучими мыслями, иначе «король окажется голым...» «Заслуженная артистка республики М. И. Вольнская, нам кажется, несколько обеднила свою Гурмыжскую, играя в этом образе только одну черту — любовную страсть престарелой помещицы...»

Но самым энергичным и последовательным критиком выступает в «Орском рабочем» И. Коротков.

Он констатирует победу театра:

«Творческий коллектив городского театра добился нового значительного успеха, показав премьеру «Чапаяев».

И дальше критик переходит к обоснованию своей оценки:

«Внешний облик Чапаева дан сносно. Но остальное никуда не годится. Единственное и главное, чем не удовлетворен зритель, — у тов. Комлева полное отсутствие актерских данных для исполнения этой роли».

Впрочем, кое-что в спектакле критику понравилось:

«Порадовал зрителя своей хорошей игрой новый актер В. В. Яблочкин в ролях крестьянина и царицы».

Трудно представить, как это можно выступить разом в роли крестьянина и царицы... Но, видимо, для упомянутых рецензентов все возможно.

Потому что «единственное и главное, чем не удовлетворен читатель, — у них полное отсутствие данных для исполнения роли» театральных рецензентов.

Ив. Пр.

Рис. Д. Дубинского

— Должно быть, эта Травиата заведывала пивным киоском.
 — Почему?
 — А вы разве не слышали, как в первом акте Альфред ей пел:
 „Налейте, налейте бокалы полней...“

Наболевший вопрос

Студент Семен Пучков
 мечтал в весеннем парке.
 Луна струила свет
 волнующий и яркий.
 Залился соловей.
 Ответил вмиг другой.
 Студент певцу внимал,
 Имея облик жалкий.
 — Скажи, — взмолился он,
 Скажи мне, дорогой,
 Как отвечаешь ты
 без помощи шпаргалки?

В. ГРАНОВ

Доска приказов

ПРИКАЗ № 11

По уршельской больнице от 2 мая 1941 года

Фельдшером Баклановым Ф. Д. 2 мая вечером при обходе стационарных больных мне доложено, что завхозом больницы тов. Малашкиной после проверки комиссией свинины в складе оставлена была живая собака. Свинина в кусках в складе была расположена на полу. При лакомстве собака бесцеремонно грязными своими лапами прямо наступала на свинину и пробовала вкус свинины не от одного куска. Наевшись доотвала, со слов т. Бакланова, собака даже запыхтела и пошла спокойно ни кому спасибо не сказала...

За допущенную халатность к ценному продукту питания для больных и анти-санитарную в складе завхозу т. Малашкиной приказом объявляю выговор с предупреждением.

Госсанинспектор и зав. больницей врач КОЖЕВНИКОВ.

Сосуд Вирдо

СТАРШИЙ научный сотрудник Красильников еще раз прошелся по своему кабинету.

— Чорт знает, что такое! — гневно сказал он. — Полнейшая расхлябанность! Об этом надо серьезно поговорить!

Красильников открыл дверь и, откашлявшись, громко крикнул:

— Позовите заведующего лабораториями! Через несколько минут в дверях появился маленький лопоухий человек в желтом, прожженном кислотами халате.

— Так вот, товарищ Лакмус. Только что я проверял наличие приборов по списку и не обнаружил на месте сосуда Вирдо. Выясните, кто и когда его взял.

Заведующий лабораториями молча вышел из комнаты. Обрато он вернулся только через полтора часа, бледный, с трясущимися руками.

— Сосуда Вирдо нигде нет, — услышал Красильников, — лаборанты перерыли все шкафы и не нашли. Никто даже не знает, что это такое.

— А вы знаете, что собой представляет этот сосуд?

— Понятия не имею.

— Тем хуже для вас. Соберите лаборантов! Оставшись один, Красильников снова прочитал в списке название пропавшего сосуда и почесал затылок.

«Положеньице! — подумал он. — Исчез сосуд, а какой он и для чего употребляется, неизвестно. И спросить как-то неудобно: насмех подымут».

Старший научный сотрудник подошел к телефону и быстро набрал номер.

— Академия наук! — крикнул он в трубку. — 77-63. Это Портнов? Послушай, Мотя, у меня к тебе небольшая просьба: нельзя ли одолжить у вас до завтра сосуд Вирдо? А то наш что-то испортился. Заедает. Узнай, голубчик, и позвони.

Красильников облегченно вздохнул и стал дожидаться ответа. Телефон затрещал очень скоро, но вести были неутешительные. В Академии наук такого сосуда не оказалось.

Второй телефонный визит Красильников нанес в химическую лабораторию университета.

— Товарищ Чурган! Вы меня узнали? У вас есть сосуд Вирдо? Жаль. Очень жаль. Кстати, вы знаете, что это за аппарат? Нет?

Красильников бросил трубку и подошел к книжному шкафу. Вытащив второй том Малой советской энциклопедии, он лихорадочно начал разыскивать фамилию изобретателя загадочного сосуда.

Дверь открылась, и на пороге появились лаборанты под предводительством смущенного Лакмуса.

— Ну как, товарищи: вы в курсе дела? — спросил старший научный сотрудник. — Знаете, что произошло?

— Слыхали, — развязно сказал один из вошедших, — сосудик какой-то затерялся.

— Хорош сосудик! Ценнейший научный агрегат! Кто-нибудь из вас им пользовался?

— Я спрашивал, — ответил за всех Лакмус, — никто его не употреблял. Товарищи лаборанты его даже не видели.

— Как это «не видели»? Но сосуд же был, а теперь его нет! Можете сами проверить. Последним номером в списке значится.

Старший научный сотрудник сел в кресло и произнес большую речь о значении различных сосудов в современной химии и о бережном к ним отношении. На часах уже давно пробило двенадцать. У лаборантов слипались глаза.

— А какой он из себя? Большой, маленький? — спросил Лакмус.

— Это как раз и неизвестно, — ответил Красильников. — Я лично не успел ознакомиться с сосудом.

Но тут в кабинет вошел завхоз.

— Товарищ начальник, — сказал он, — я счетик принес.

Завхоз протянул засаленный листок бумаги. «Куплено, — с трудом прочитал Красильников, — одно вирдо жестяное. Четыре рубля пятьдесят копеек...»

И. ЧЕСНОКОВ И О. ЕМЕЛЬЯНОВ

Легенды кожаного мяча

Иллюстрации Ю. Ганфа

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПОЧТИ все области человеческой деятельности, все специальности имеют свои легенды. Нам известны легенды из жизни писателей, художников, работников швейной промышленности. И даже продавцы газированной воды рассказывают по вечерам притихшим от ужаса слушателям легенду об одном мастере «недолива», потерявшем любимую жену только потому, что он во время ее болезни вместо двадцати капель прописанного врачом лекарства налил только десять.

Тем более странно и, нужно признаться, обидно, что такая область, как футбол, до сих пор обходится без своих легенд. Мы пробовали обратиться к заслуженным болельщикам и ветеранам кожаного мяча, но то, что они нам рассказывали, не выходило за пределы сухих фактов.

Так, один ветеран футбола вспомнил следующий случай из своей практики. Однажды он был участником одного из последних в сезоне матчей. Во время игры пошел снег, на-

чалась метель. Снег бил в лицо, кругом почти ничего не было видно, но форвард настойчиво стремился вперед. В это время метель утихла, и он увидел, что стоит с мячом на площадке у Белорусского вокзала.

Оказалось, что из-за плохой видимости он нечаянно выбежал из стадиона, и, ловко обходя смутно видневшихся в снежном вихре пешеходов, пробежав несколько кварталов, чуть не забил гол в ворота товарной станции.

Как видите, в данном случае мы не имеем налицо чего-либо необычного, похожего на сказку.

Ниже мы приводим несколько красивых, овеянных романтикой легенд, частью достоверных, частью, между нами говоря, выдуманных. Надеемся, что почин, сделанный нами, послужит фундаментом для создания целого цикла футбольных саг, рассказов, баллад и песен, которые будут переходить от болельщика-деда к болельщику-внуку.

ВЫВИХ СИСТЕМЫ СОСКИНА

КАК могучий гранитный утес, возвышался бек Соскин перед воротами своей команды. Ни пройти, ни проехать! Один недостаток был у этого утеса: на своем веку немало игроков перекалечил он, — и жены футболистов пугали страшным именем Соскина своих расшалившихся ребят.

Расположенная недалеко от стадиона больница должна была расширить свое хирургическое отделение и достроить к нему лишний этаж.

Не только маститые профессора и их ассистенты, но и молодые врачи-практиканты с первого взгляда узнавали переломы, вывихи или просто ушибы работы знаменитого бека.

Однажды в палату внесли футболиста. Несчастный был без сознания. С поврежденной ноги сняли бутцу и чулок. Дежурный врач подошел к пострадавшему и остановился в недоумении:

— Ничего не понимаю. Странный вывих. Редкое в медицине явление! — вскричал он.

Лишь сам пострадавший мог объяснить происхождение загадочного вывиха. Решено было подождать, пока он не придет в себя.

Вдруг в палату впрорхнула юная, розовощекая практикантка.

— Боже мой! — вскричала она, взглянув на койку. — Да ведь на сей раз это сам Соскин!

СПРАВЕДЛИВЫЙ ГОЛУБЬ

ЮНЫЕ болельщики приносят с собой голубей на стадион и с каждым забитым голом выпускают по одной птице. Естественно, голубь, сделав круг над футбольным полем, летит на свою базу и делает посадку в родной голубятне.

Однажды произошел следующий чудесный случай. После очередного забитого гола мальчик Валя Кузнецов выпустил своего пернатого курьера. Это был обыкновенный голубь, довольно сомнительной породистости. Птица поболталась несколько секунд в воз-

духе и, вместо того чтобы лететь по назначению, вернулась к своему хозяину. Повторные попытки также не удались. Голубь упорно отказывался стартовать. Валя и другие голубевладельцы, его приятели, были в полном недоумении.

Вдруг один крохотный белобрый болельщик крикнул прерывающимся от волнения голосом:

— Я знаю, в чем дело! Он не полетит. Гол был засчитан неправильно: мяч был забит с офсайта.

Все замерли, потрясенные спортивной принципиальностью птицы. Матч был обжалован, и соответствующие инстанции подтвердили правоту голубя, которому было присвоено звание почетного спортивного судьи республиканской категории.

САМООТВЕРЖЕННЫЙ ДИКТОР

ОДНОМУ было тридцать два года, другому — четырнадцать. Они жили в коммунальной квартире и были друзьями. Диктор, известный своими трансляциями футбольных матчей, и веснушчатый сероглазый семиклассник любили в длинные зимние вечера вспоминать подробности горячего футбольного сезона.

Мальчик пламенно болел за команду синих и тяжело переживал ее неудачи.

Однажды бедный ребенок заболел. Его взрослый друг все свободное время просиживал возле больного.

Как-то мальчик грустно посмотрел на диктора и прошептал запекшимися губами:

— Завтра играют синие с красными, а меня не будет на матче.

— Ничего, — утешал его диктор, — ты все

узнаешь по радио. Я очень подробно буду рассказывать.

Наступил день матча. На пятой минуте форвард красных неожиданным ударом забивает мяч в ворота любимцев больного ребенка. Только на минутку задумался диктор. Он представил себе худенькое личико на белой подушке, запах лекарств и...

— Вы слышите аплодисменты публики. Это синие забили гол в ворота красных... —

ровным голосом передавал в эфир самоотверженный диктор.

В дальнейшем еще пять раз вратарь синих вынимал мяч из своей сетки и пять раз повторил диктор в микрофон свою святую ложь.

Дома его встретила, сияя, мать мальчика.

— Знаете, — горячо зашептала она, — сыну гораздо легче. Узнав, что синие выиграли, он с аппетитом покушал и теперь спокойно спит.

Диктор заплакал счастливыми слезами.

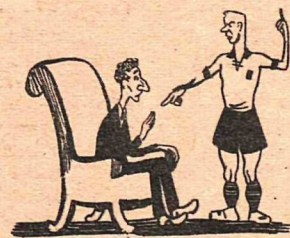
С работы его все-таки сняли.

ФОРВАРД-ПРИВИДЕНИЕ

ЭТА история произошла с одним писателем.

Поздняя осень, как голодный волк, выла за окнами писательского кабинета. В комнате было тепло и уютно. Сам писатель сидел у камина и, склонив свое худое, состоящее из одного профиля лицо, обдумывал план очередной повести (она же пьеса, она же кино-сценарий).

Вдруг в углу раздался шорох, и писатель, обернувшись, увидел там смутно белевшую фигуру. Фигура бесшумно подошла к столу и оказалась стройным блондином в футбольном костюме.

— Не пугайтесь, Лева, не пугайтесь, — тихо прошелестела фигура. — Вы, конечно, помните короля форвардов, знаменитого одесского игрока Богемского. Я его призрак.

— Что вам угодно? — пролепетал ошалелый беллетрист. — Уходите, я не верю в вас.

— Не будем хамить, Лева. Вы лучше скажите: это вы написали повесть из футбольной жизни, которая кончается тем, что вратарь, оставив свое место, бежит с мячом в ворота противника и забивает гол? Вы покраснели, Лева? Значит, это правда? Мало того, вы из этой повести выкроили сценарий. Так не поступают честные болельщики. Разве может голкипер убежать чорт знает куда, оставив свои ворота на произвол судьбы?!

И знаменитый Богемский, укоризненно покачивая головой, медленно растаял в воздухе.

С тех пор писатель больше не брался за футбольные темы.

Ю. МАРКЕВИЧ

Человек в фут

(Новые иллюстрации художника)

«ДОЧЬ АЛЬБИОНА»

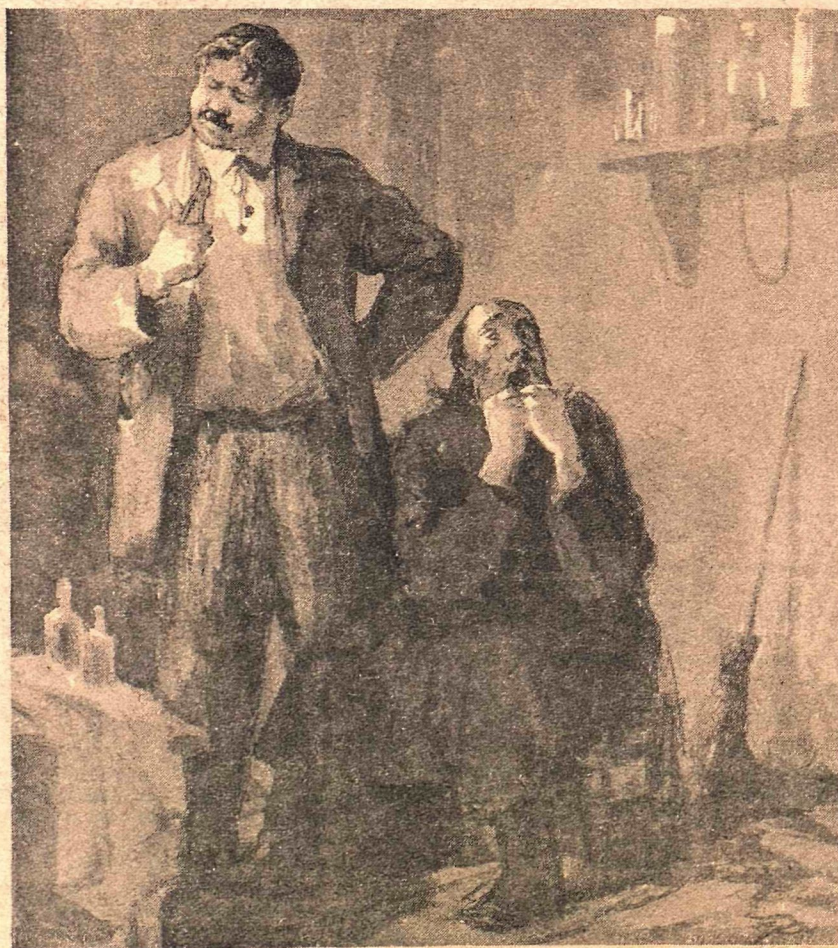
— Это, брат, ей не Англия!

Мисс Тфайс хладнокровно переменяла червячка, зевнула и закинула удочку. Отцов отвернулся. Грибов отцепил крючок, окунулся и с сопением вылез из воды. Через две минуты он сидел уже на песочке и опять удил рыбу.

«ЗЛОУМЫШЛЕННИК»

— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было? — Чаво?

«ХИРУРГИЯ»

— Было б мне козьею ножкой! — бормочет фельдшер. — Этакая оказия! Приди в себя, дьячек сует в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа.

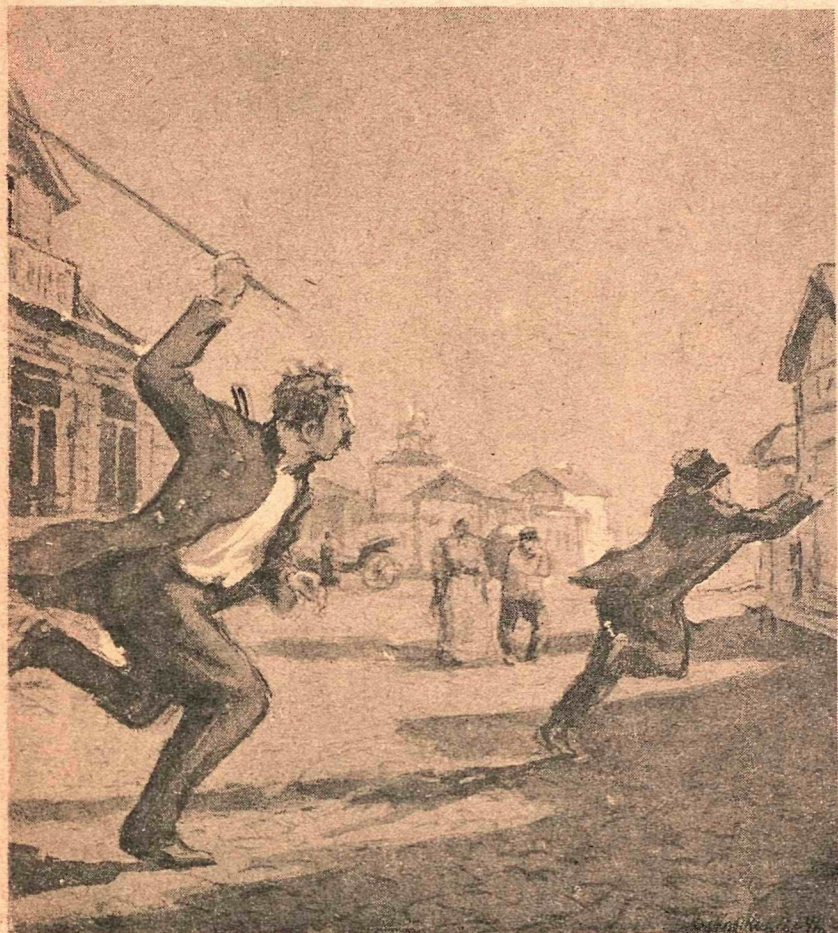

«НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРЫ»

Тишина и спокойствие. По направлению от Думы к торговым рядам медленно подвигается санитарная комиссия, состоящая из городского врача, полицейского надзирателя, двух уполномоченных от Думы и одного торгового депутата. Саади почтительно шагают городовые... Путь комиссии, как путь в ад, усыпан благими намерениями.

Ляре и другие

ков Кукрыниксы к А. П. Чехову)

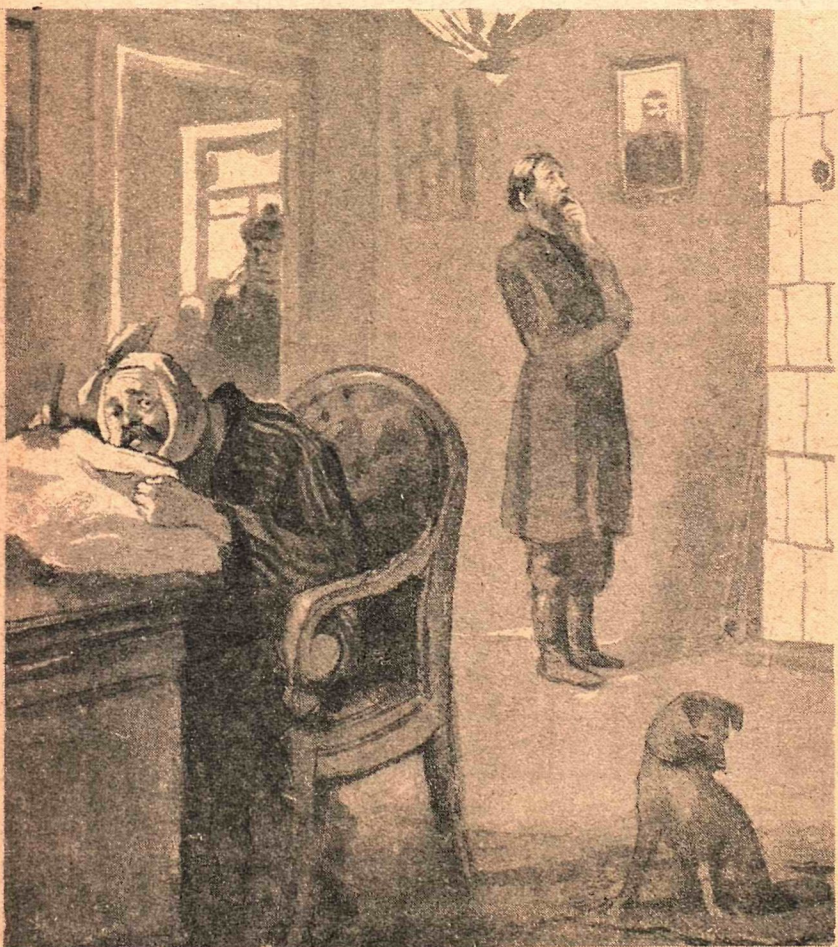
«КАПИТАНСКИЙ МУНДИР»

Из трактира «Веселие», мимо которого они шли, опрометью выбежал какой-то господин в цилиндре, с красным лицом и пьяными глазами. За ним гнался капитан Урчаев с кием в руке, без шапки, растрепанный, разлохмаченный. Новый мундир его был весь в меду, одна потона глядела в сторону.

«ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ»

Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате.

«ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ»

— Ну, что же? Скорей думай!
— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

«НАЛИМ»

Коряга подрублена. Ее слегка надламывают, и Андрей Андреевич, к великому своему удовольствию, чувствует, как его пальцы лезут налиму под жабры.

— Тащу, братцы! Не толнитесь... стойте.. тащу!

Иллюстрации И. Семенова

Таланты и поклонники

Сон в летнюю ночь

НЕДАВНО Центральный театр Красной Армии показал премьеру комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», комедию из быта лесных эльфов и фей.

Поставил спектакль художественный руководитель театра Алексей Попов.

Кроме самого постановщика, двух режиссеров, пяти художников, композитора, балетмейстера и скульптора над комедией трудилось еще много различных ассистентов.

Пек, или Робин Добрый Малый, маленький эльф.

Так, в программе значился специальный режиссер-ассистент по стиху, ассистент этого ассистента, особый ассистент по мужским костюмам, ассистент по звукооформлению, ассистент по люминисценции, то есть по светящимся краскам, ассистент ассистента по краскам и даже какой-то консультант по преческой обуви...

Кроме ассистентов к спектаклю, говорят, были допущены и отдельные актеры. Некоторые зрители, бодрствовавшие все восемь картин комедии, утверждают, что какие-то люди действительно робко ходили по сцене и в паузах между звуковым оформлением читали стихи.

Возможно, однако, что это были только ассистенты актеров.

Наш корреспондент пытался провести анкету среди зрителей, посетивших первое представление:

— Скажите, пожалуйста: какое впечатление на вас произвел «Сон в летнюю ночь» в Театре Красной Армии?

Пойманный за рукав зритель некоторое время мялся:

— Право, не знаю, как вам сказать, товарищ. Конечно, сон в

спальном вагоне спокойнее, но и «Сон в летнюю ночь» в этом театре был достаточно глубок...

Наш корреспондент смутился:

— Вы меня не поняли... Я спрашиваю: что в этом спектакле на вас произвело наибольшее впечатление?

— А-а... Наибольшее впечатление на меня произвели мягкие кресла в партере и люминисценция...

— Что-о?

— Светящиеся краски... Очень здорово их размазал художник Шифрин... Напрасно только к его декорациям кто-то написал текст...

Теперь наш корреспондент совсем растерялся:

— Позвольте!.. Это не «кто-то», а Шекспир. И не к декорациям написан текст, а к тексту комедии великого драматурга написаны декорации.

— Что вы говорите?! А впечатление такое, что к декорациям написан текст... Значит, ассистент по стиху здорово поработал...

Все-таки нам удалось установить, что на премьеру царил образцовый порядок. Никто не смеялся, не аплодировал, не пытался вызывать режиссеров, художников или ассистентов по обуви и греческим профилям.

Говорят, вздремнул даже сам профессор Морозов. Сей почтенный шекспиролог уже много лет страдает бессонницей. Это позволяет ему писать восторженные отзывы о тех спектаклях, на которых вся остальная публика просто спит вповалку.

В театре были страшно озадачены и возмущены равнодушием зрителя:

— В чем дело, товарищи?

— Почему не смеются?! Это же комедия!

— А почему не аплодируют?! Это же премьера!

В антрактах недоумевающие представители администрации тормозили критиков:

— Товарищи, мы же работали!.. Шутите, какая грандиозная постановка!.. Да тут же одной мануфактуры на десять премьер!

— А три режиссера!

— А пять художников!

— А семь ассистентов!

— А женские костюмы, которые выполнялись под руководством Ламановой!

— А мужские примы по специальной консультации!

— А инженер сцены!

— А заведующий радиочастью!

— А заведующий монтажной частью!

— А заведующий постановочной частью!

— А заведующий мебельно-реквизиторской частью!

— А машинисты сцены!

— А главный машинист сцены!

Наконец, кто-то не выдержал:

— А вот покойный Давыдов часто играл в старых, линялых павильонах и вызывал бурю смеха и гром аплодисментов...

На него сразу накинулись:

— Вы что же, за линялые павильоны?!

— Нет, я за Давыдова... За актера — властителя душ и сер-

дец... За актера, который не сведен к роли говорящей бутафории, к каковой он сведен режиссером и художником в спектакле «Сон в летнюю ночь». А без актера вам не расшевелить зрительный зал... Тут не помогут никакие люминисценции, никакие ассистенты по стиху, никакие консультанты по быту лесных эльфов и фей!

У каждого зрителя есть любимый актер. Если постоять у кассы, скажем, Театра революции, то всегда можно услышать, как неко-

Филострат, распорядитель увеселений при дворе Тезея.

торые из приходящих за билетами освещаются у кассирши:

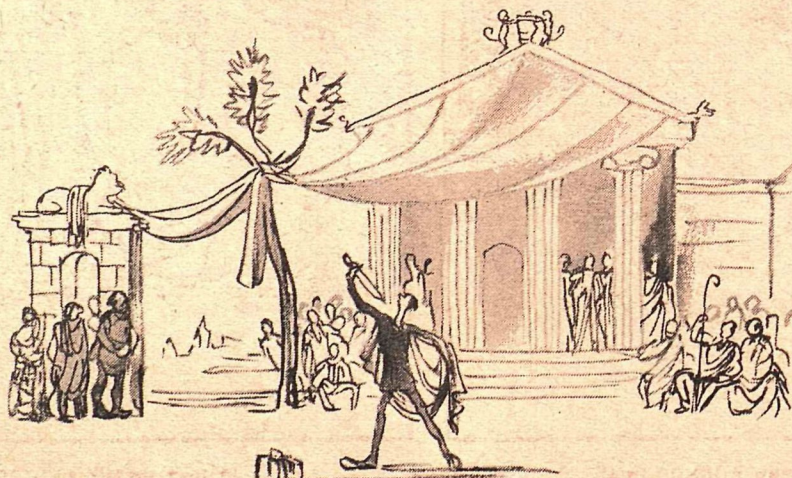
— А Бабанова сегодня играет?.. Играет!.. Дайте тогда два билета...

Так освещаются о Качалове, о Хмелеве, о Марецкой, о Хенкине, об Ильинском, о Яроне, о Зеркаловой, о Цареве, о Козловском, о Барсовой и других любимых артистах и артистах.

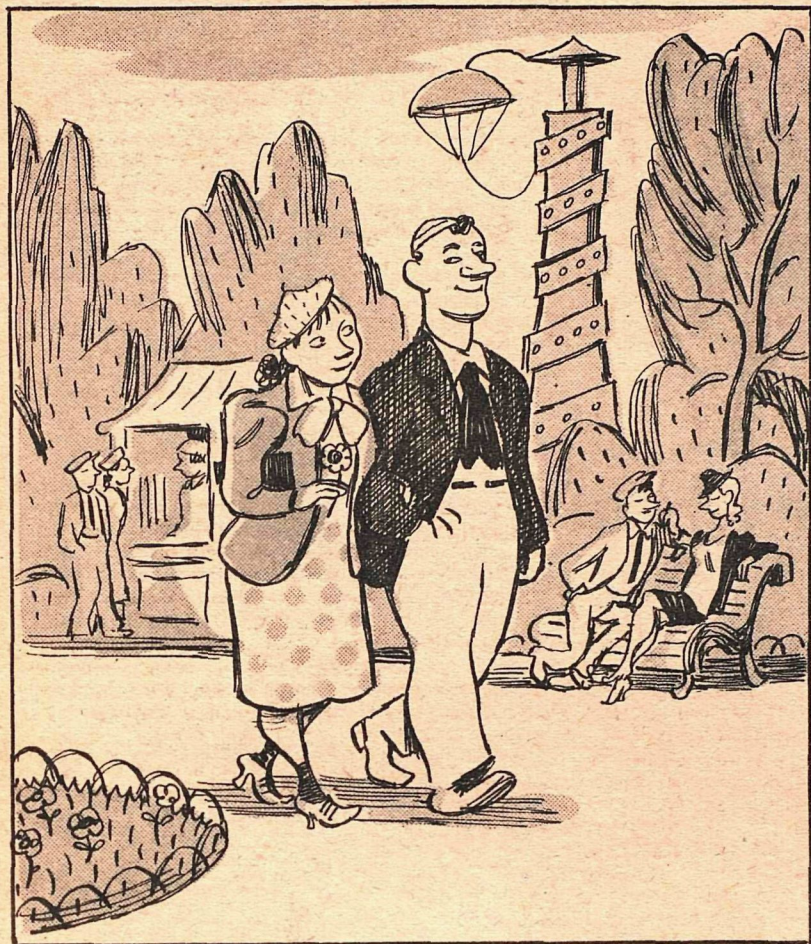
И не так уж много людей беспокоит кассиршу следующим вопросом:

— А чье сегодня оформление?.. Варпеха?.. Мандельберга?.. Ах, Мандельберга!.. Дайте тогда скорей шесть билетов, и поближе...

ЕВГ. БЕРМОНТ

Заклучительная сцена

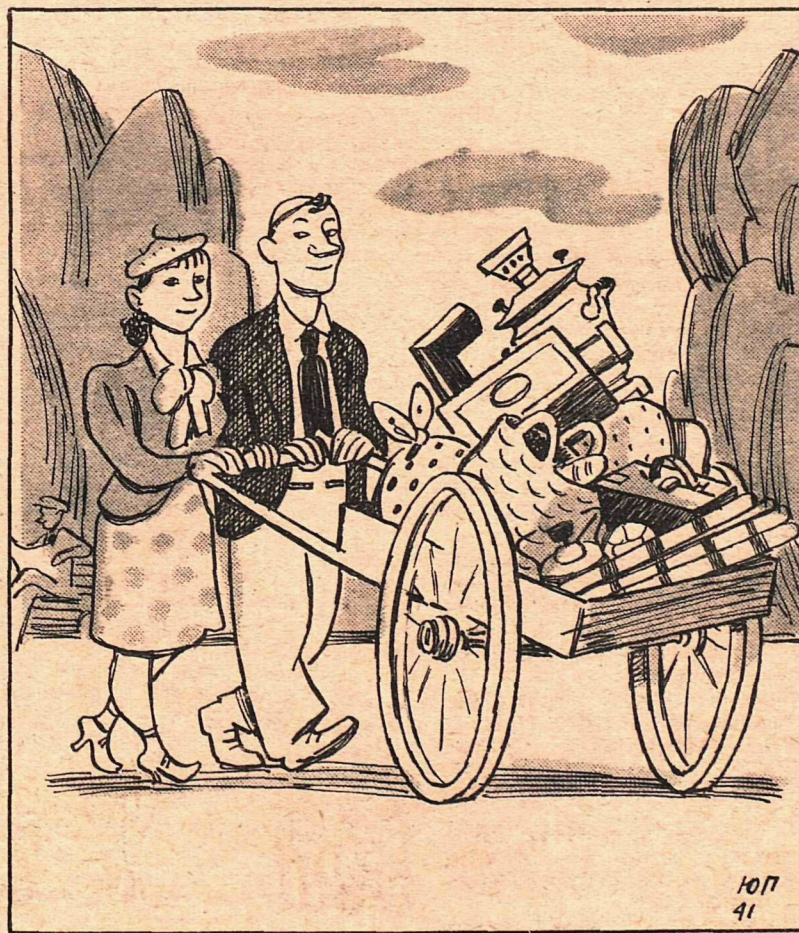
Однажды в день довольно жаркий
Сережа с Олей были в парке.
Но (скажем в первой же строфе!)
Кормили плохо их в кафе.

Пришли они неделей позже.
Свой самовар, закуска — тоже.
Поели. К спорту — их стезя.
Народу тьма, играть нельзя!

Что ж! В следующий день воскресный
Они устроились чудесно:
С собою мяч и сетка. Но...
Шел очень скучный фильм в кино.

И вот везут они вприпрыжку
Весь скарб плюс кинопередвижку.
И рады солнцу и весне:
Они обслужены вполне.

ПРЕДКОЛХОЗА: — Опять запутался: которая из них лужа, а которая водоем?

Размышления строгого человека

Я СЧИТАЮ, что население очень много начинает о себе воображать. Неприятно видеть, каким манером иной гражданин покупает себе, например, коричневые полуботинки. Он входит в магазин развязной походкой. Ищет глазами модный фасон. И даже требует обувь обязательно своего размера: сороковой номер.

Ему дают сорок третий. Когда-то он и сорок шестой с руками бы оторвал. Запихал бы в каждый ботинок по два номера газеты и носил бы с восторгом. А теперь он двусмысленно улыбается и записывает себе в книжечку номер магазина. Не хочет человек понять, что, может быть, заведующий нарочно закупил всю обувь одного размера, чтобы не возиться с примеркой.

И вы имейте в виду, что если такой гражданин случайно найдет свой размер и фасон, вместе взятые, он не побегит сразу строевой рысью к кассе. Он начинает вертеть товар в руках и придирается к пустякам.

— Почему это, — говорит, — правый ботинок сорокового размера, а левый — тридцать шестого?

Вот уж в буквальном смысле: давай мне, чего моя левая нога хочет... Велика ли разница — каких-нибудь четыре номера! На улице никто бы и не заметил. А он фыркает и уходит в другой магазин. А у людей из-за этого затоваривание!

Да зачем брать обязательно торговые точки? Возьмем даже такие, на мой взгляд, предметы роскоши, как новые жилые дома.

Бывало, если у гражданина мала квартира и он получает ордер в новый дом, что он делает? Он моментально связывает постельные принадлежности и бежит занимать жилплощадь: а то случилось, раздавали по четыре ордера на одну квартиру. В доме еще стекла не вставлены и двери не навешены, но прежний гражданин все равно вселяется и живет, как припильенный.

А теперь? Теперь ему, видите ли, необходимо прежде посмотреть, как там обстоит с красотой и с изящными удобствами! Даже

снаружи осматривает дом и, конечно, с комендантом вступает в пререкания.

— Неприятно, — говорит, — домик отделан.

— А вам что же хотелось бы?

— Вот этих глиняных коров у парадного тоже не надо бы...

— Вы не придирайтесь к архитектору, — говорит комендант. — Это вовсе не коровы, а львы, так сказать, цари пустыни.

— А лифт есть?

— Лифта не может быть.

— Почему?

— Потому что архитектор оформил лестницу в виде внутренности корабля, а на кораблях лифтов не бывает.

— Значит, на шестой этаж пешком ходить?

— Это — уж не мое дело; хотите, — извозчика нанимайте...

— Безобразие! — кричит гражданин. — У меня бабушка пожилых лет, она пешком не может!

Придумал причину! Так вот тебе архитектор и будет учитывать каждую бабушку!

Ну, осматривает гражданин комнаты. Все в порядке. И вдруг опять начинаются придиранки:

— А где же здесь кухня и другие мелкие коммунальные помещения?

— Они, гражданин, тоже не уместились, потому что архитектор по замыслу устроил здесь, видите, четыре колонны и фонтан.

— Как же здесь, в таком случае, проживать?

— Очень просто: в четвертом этаже все подобные помещения есть, туда и будете адресоваться.

— Нет, — говорит, — это меня не устраивает.

Ему, видите ли, трудно на каких-нибудь два этажа спускаться вниз к умывальнику! Подумаешь, нежности какие!

Раньше он и внимания не обратил бы на такие пустяки: выхватил бы у коменданта из рук свой ключ и помчался бы скорей за бабушкой. А теперь он машет рукой и бежит в жилотдел возвращать ордер.

— В нашем районе, — говорит, — много хороших домов достраивают. Я уж лучше ме-

«ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО»

В Харькове производится розыски некоего гражданина Мирошниченко, уклоняющегося от уплаты алиментов своей жене, гражданке Савченко.

Розыски приняли крайне интересную, хотя и затяжную форму. На ноги поставлены прокуратура и облсуд.

Судя по самой оживленной переписке этих инстанций с гражданкой Савченко, они ищут не покладая рук. Они просят сообщить:

«Год рождения гр. Мирошниченко Владимира Ивановича и откуда родом, так как по справке адресного бюро Мирошниченковых Вл. Ив. значится несколько человек».

Гражданка Савченко шлет требуемые сведения, указывая, кстати, точный харьковский адрес интересующего ее Мирошниченко, живущего все на той же площади Руднева, в доме № 14, квартире 13.

А прокуратура не может его найти.

По мнению харьковчан, в ближайшее время гражданка Савченко должна ждать примерно такую «шидулку»:

«Просим сообщить дополнительные приметы (напр. бородавки и т. под.), так как Владимиров Ивановичей Мирошниченковых среднего роста, без бороды, волосы темные, в Харькове оказалось десять человек, а вчера прибыл добавочно одиннадцатый».

Затем, не добившись результатов, ретивые работники перекинут поиски во все города СССР, после чего обшарят луну, ближайшие планеты, углубятся в созвездие Рака...

И только не заглянут на площадь Руднева, в дом № 14, в квартиру № 13!

«Да тут чудасия, мосьпане!» — как писал Гоголь.

сяц — другой подожду. А в этом «корабле» пусть сам архитектор плавает...

Да что там распространяться: в любой отрасли на публику стало невозможно угодить. Теперь вот, например, начали придирается к некоторым ораторам. Скажем, ко мне. А плохо ли я высказывался? Бывало, сочинит мне освобожденный член месткома речь, вызубрю я ее наизусть, выйду на возвышение, выпью графина два воды и чешу по любому вопросу! Примерно вот в таком виде.

— Товарищи! — говорю. — Разрешите мне как таковому остановиться на данном вопросе. Потому что данный вопрос назрел. Он, товарищи, стоит во весь рост. Наша задача — подхватить его, охватить и провентилировать. А кроме того сдвинуть с мертвой точки зрения!

И вот так не меньше часа. И выдерживали! А теперь я недавно хотел вот так же высказаться — пяти минут не могли выдерживать. Силком всовывают в регламент.

— Ты, — говорят, — из пустого в свободное переливаешь... Закругляйся, — говорят, — раз и навсегда.

Видите, что творится?

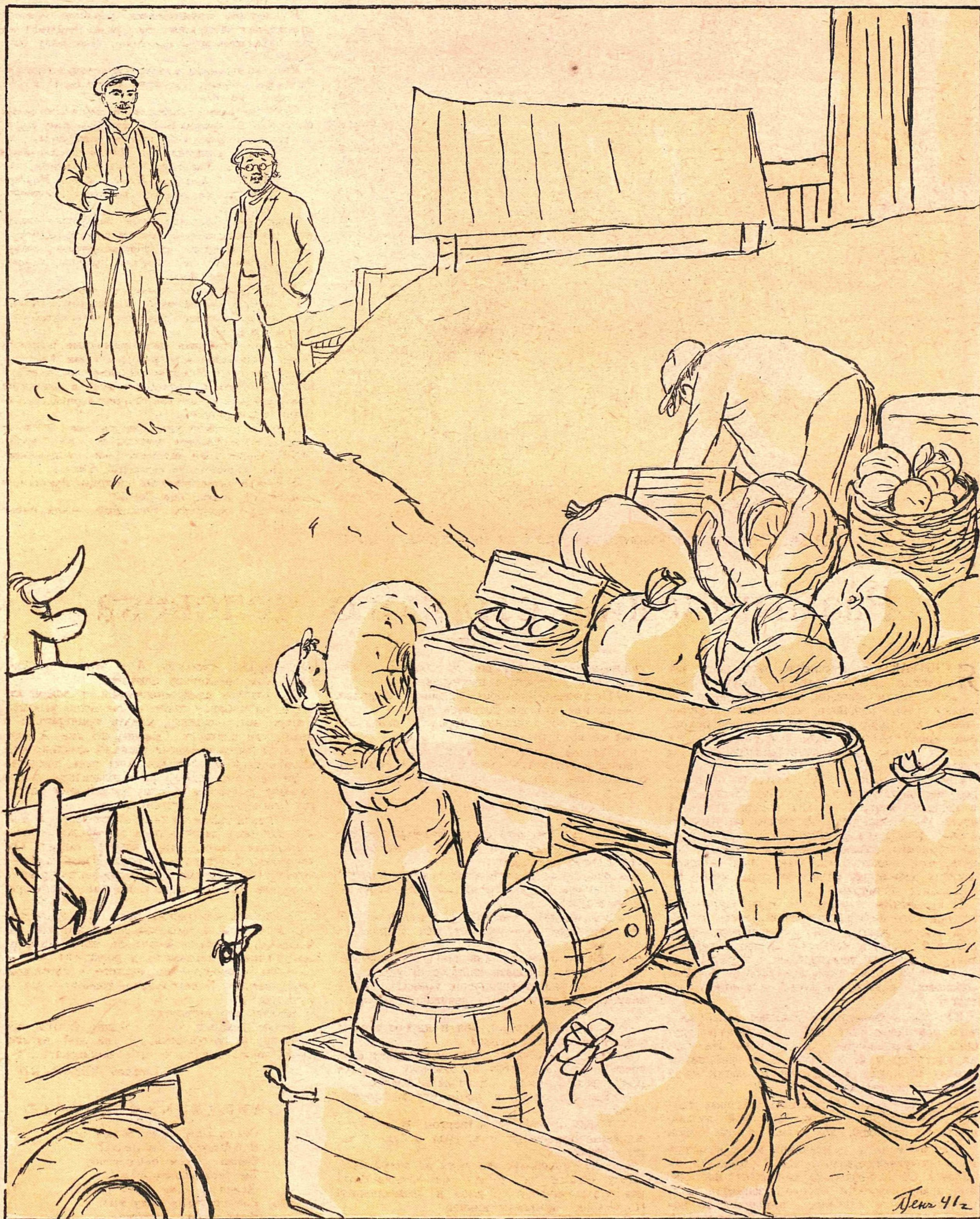
Запрос, говорят, не тот. Одним словом, все выросли и похорошели. А на мой взгляд, очень много начали о себе воображать...

Алексей РЕЗАПКИН

ЗАЧИТАННАЯ КНИГА

Скажи мне, книга, в кой веки
В библиотеке ты двела?
Скажи: какой библиотеки
Ты украшением была?
Давно ль твоя зияет рана?
Где получила рану ты?
Рука какого хулигана
Из книги вырвала листы?
Нашли ль вредителя и вора
Иль он не пойман до сих пор?
Поведай: скоро иль не скоро
Его притянет прокурор?..

ТАРАСКОН из ТАРТАРЕНА

— Много места займете на Выставке.
— А нам много не надо. Хотя бы одно. Первое.

СТРОЛОХАХОДОК

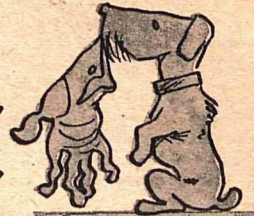

Рис. Евана

— Детям папиросы не отпускаем.
— Тогда дайте прикурить.
— Это — пожалуйста.

КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Это был, а не таинственная сага:
Появилась «Говорящая бумага»...

Взял я книгу, только выпешдшу в свет.
Тщетно в ней найти старался мысли след
И сказать о ней правдиво счел за благо:
— Ничего не говорящая бумага!

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА

Над входом красовалась
вывеска, загадочная как
ребус:

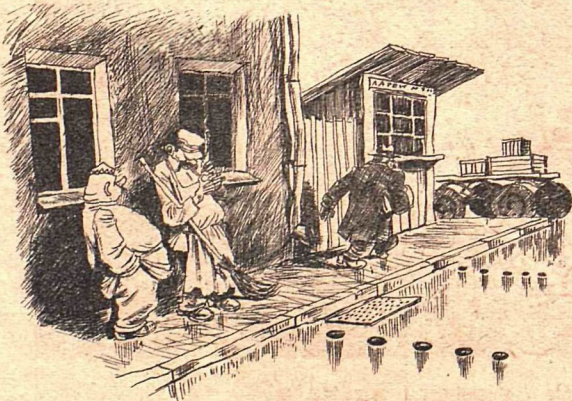
РОТ ВЫ СОК

Любознательность толкнула
меня навести справку:
— Что у вас такое? Что за
предприятие?
— У нас? Ремонт вывесок.

СКРОМНЫЙ ПАПА

Ребенок часто говорил:
— Мой папа добрый, мой папа
умный, мой папа честный, мой папа скромный...
— Деточка,— спросили однажды
ребенка,— скажи: откуда ты все это знаешь?
— А мне так папа всегда
говорит,— ответил ребенок.

Рис. Е. Водерникова

— Отняли у нашей улицы славу.
— Чего ж ты радуешься?
— Так ведь она грязью славилась.

ЗАВ. И ЗЕМНОЙ ШАР

Был в тресте зав. Занайством увлечен,
Он таял в восхищенье:
— Всеведущ я. Мне, право, нипочем
Остановить земли вращенье.

* * *

Мы правду выскажем в упор:
Земля вертится до сих пор...
Но техника, вот в этом тресте
Стоит на месте.

ВЕЖЛИВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Поэт и читатели на лоне
природы. Поэт читает стихи,
один из слушателей
снимает шляпу.

— О чем вы раскланиваетесь, товарищ?

— Со знакомыми. Узнал
в вашем стихотворении
знакомые строки Маяковского.

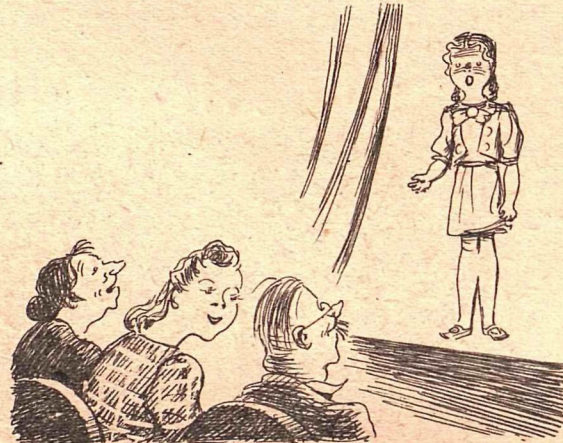
Рис. Н. Радлова

ПОСТАНОВКА

Денег на постановку не жалели, даже лохмотья у
нищих были новые и дорогие.
Артист, изображавший
Бориса Годунова, надев шапку,
искренно сказал:

— Ох, тяжела ты, шапка
Мономаха!

— Еще бы! — подхватил
режиссер. — На эту кепочку
просадили тридцать тысяч!

— Смотри, такая маленькая, а как здорово имитирует Рину Зеленую!

УКРОТИТЕЛЬ И ЛЕВ

(Цирковая трагедия)

Лев рычал. Дрожащий укротитель
понял, что погиб во цвете лет.
Он был пьян, и этим, как хотите,
потерял у Льва авторитет.
Многие вот так же погибали:
крики, стоны, бессвязные слова...
Билетерша белыми губами
прошептала: «Кончено! Порвал...»
Долго еще Лев сердито фыркал,
а наутро стал известен факт:
Лев Григорьевич — директор цирка —
с укротителем порвал контракт.

СОЛО

В саду на эстраде опустились занавес,
актеры разгримировывались, конфет-
ные мыл руки, а публика все сидела
и сидела на своих местах.

— Ах, как поет!

— И без всякого аккомпанемента!
— Без нот, наизусть!.. Самородок!

— Да, это — не то, что певица,
которая выступала.

— Сравнения нет!..
Соло соловья, сидевшего в кустах,
закончилось. Вдохнув, публика дружно
захлопала. Испугавшись, соловей
улетел. Кто-то сказал:

— И ведь какая скромность!
Другой бы певец после таких аплодисментов
десять минут ломался и кланялся!

ОБИЖЕННЫЙ АВТОР

Рис. Г. Вальки

— Почему вы ставите мою пьесу как раз тогда,
когда в театре пусто?

ЯЗЫК ТЕАТРАЛЬНЫХ АФИШ

— Кто смеется последним?
— Тот, кого искали.

— Как вам это понравится?
— Сильнее смерти!

НЕ КЛЮЕТ

Берег реки. Некого держит удочку
и с равнодушным видом следит за поплавком.
Рядом с ним рыболовные принадлежности
и пустое ведро для рыбы. Это
рыболов-любитель.

Около рыболова группа зевак,
следящих с любопытством за его операцией..

Один из зевак кричит
рыболову:

— Вот уже часа два мы терпеливо ждем,
а она все не клюет!.. Не думаете ли вы,
что у нас время краденое, гражданин?

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Справочный киоск «Мосгорсправка».
В окне деловая девушка. Задорный
молодой человек обращается к ней
с вопросом:

— «Кто скажет, кто мчится под
кладно мглой?..»
— «Бздок запоздалый, с ним сын
молодой!..» Внесите 20 копеек за
полученную справку!

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

— Где раадобыл столько денег?
— Взял в долг у бедных
родственников.

— Почему у бедных?
— Жалко бедняг!.. Все равно не отдам.

ЗАГАДКИ

Кто над нами вверх ногами?

(Вудильник 2-го государственного
часового завода).

Кланяется, кланяется,
Придет домой — растянется.

(Подхалим).

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Послушай поучительную историю о пробке и о хозяйственных гибких, как пробка.

В 1937 году Сахалинторг завез на остров Сахалин на 60 тысяч рублей бутылочных пробок. А покупателей на острове всего и было — пищевой комбинат. И решили в комбинате так: все равно, кроме нас, покупать пробку никому, пусть Сахалинторг снизит цену, тогда, мол, и купим. А в Сахалинторге рассудили так: пробки нигде, кроме как у нас, нет, значит, все равно у нас купят.

Четыре года занимали пищевой комбинат и Сахалинторг выжидательную позицию: кто кому раньше уступит? Видит Сахалинторг, что комбинат упорствует, решил проучить его и вывез всю пробку с острова на материк. Всполошились тогда в пищевом комбинате и срочно снарядили нарочных на материк. А тем временем Сахалинторг успел уже продать пробку другой организации. С большим трудом удалось пищевому комбинату перекупить у этой организации пробку и вернуть ее обратно на Сахалин.

А как вернуть государству обратно десятки тысяч рублей, затраченных на перевозку пробки с острова на материк и с материка на остров во имя высокого «принципа» директора комбината Букрева?

А. ЕРОШЕВ,
инструктор Сахалинского обкома ВКП(б)
Александровск на Сахалине.

Дорогой Крокодил!

Как известно, сутки делятся на день и на ночь. Несколько иной точки зрения придерживается исполком Быховского райсовета депутатов трудящихся. Он считает, что сутки должны делиться на заседания и незаседания.

Исходя из такой градации суток, работники исполкома поступают следующим образом: устраивают заседание с 19 вопросами и с количеством докладчиков в 72 человека. По самому скромному подсчету, это должно занять 10—15 часов.

Этим фактом исполкомовцы окончательно опровергают устаревший взгляд на деление суток и убедительно доказывают, что их деление суток на заседания и незаседания единственно правильное.

Цифры говорят сами за себя.

И. ДРИГАНТ,
Н. СТАРОСЕЛЕЦ
г. Быхов,
Могилевской области.

Дорогой Крокодил!

Выяснилось, что тов. Петров, заместитель начальника отдела школ Западной железной дороги, — очень скверный отец. Он совершенно оторван от школы, в которой учится его дочь. А между тем и учеба и дисциплина девочек

заставляют желать много лучшего. Об этом печальном событии Петров узнал из статьи зав. горОНО Сухарева, напечатанной в газете «Рабочий путь».

Что же теперь делать? Как помочь беде? Другой бы отец на месте Петрова немедленно отправился в школу, поговорил с директором, педагогами и постарался бы исправить свою ошибку. Но Петров этого не делает. Он попрежнему остается безучастным к ребенку. Даже больше. Он со всей категоричностью заявляет, что дочери у него нет и не было. Одновременно он глубоко сожалеет, что так подвел зав. горОНО Сухарева и редактора «Рабочего пути» Суханова. Знал бы он раньше, непременно обзавелся бы дочкой и не вводил бы в заблуждение ни Сухарева, ни Суханова.

С. ПЕСЛЯК,
ответственный редактор «Последних известий».

Смоленск.

Дорогой Крокодил!

Наднях я получил из редакции газеты «Челябинский рабочий» сооб-

щение, что мой материал о сенокосе не использован и мне рекомендуется обратиться в жилищное управление.

Я читал и ничего не понимал. Ни о каком сенокосе я не писал. А если бы и писал, то с каких пор сенокосом занимается жилищное управление?

Наконец, я вспомнил, что действительно писал в «Челябинский рабочий», но не о сенокосе, конечно, а о тов. Сенокосове, местном работнике, которому Каменский коммунхоз пятый год обещает предоставить жилплощадь.

Значит, зав. отделом писем нашей областной газеты Базуев подмахнул бумажку, не читая ее. Если б Базуев был обыкновенный работник советского учреждения, о нем следовало бы написать в газету, но Базуев — сам газетчик, куда же о нем писать? Посоветуй, Крокодил!

И. ПОТОЦКИЙ,

зав. культурно-бытовым отделом
газеты «Каменский рабочий».

Дорогой Крокодил!

Мне кажется, что Калининский областной музей следует пополнить очень интересным экспонатом — образцом беспримерного бюрократизма, процветающего в стенах самого музея.

Я обратился в музей с просьбой прислать мне фото с портрета А. Куинджи работы И. Репина. Оттуда ответили, что просьбу мою музей не может удовлетворить, так как портрет Куинджи хранится не у них, а в Калининской областной картинной галерее, куда и следует обратиться. И тут же любезно сообщили адрес галереи. Но, по странному совпадению, адреса музея и галереи оказались абсолютно тождественны, т. е. и музей и галерея находятся в одном помещении. И, очевидно, только в целях пополнения музейных коллекций новым экспонатом работники музея не могли решиться удовлетворить мою просьбу.

И. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Москва.

НЕ БОЙКОЕ МЕСТО

Рис. В. Горяева

— Почему же он отказался от места завмага?
— Да у нас напротив черного хода — прокуратура.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

Рукопisen не возвращаются

А 39683. Москва. Изд. № 643

Подписано к печати 5.VI 1941 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1787. Тираж 271 000 экз.

39

ОБЪЕЗД: ЭКСПЕДИЦИЯ
 1 Окунь 1941
 Все. Кн. Палата Получены

и серии

Получ.
в д.

11/5
 11/5
 12/11

Ну, вот видишь, мама, я все руки испачкала. Просто непонятно, почему же все меня называют белоручкой?